

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

РЕДКИЙ ТИП МУЖЧИНЫ

ТЫ - МОЕ СОЗВЕЗДИЕ

МОЯ ВТОРАЯ ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

ВСЕ ПОПРАВИМО, ЕСЛИ ЛЮБИШЬ

ЧЕРНО-БЕЛЫЙ САД

АНДРЕЙ

РОММ

ЧЕРНО-БЕЛЫЙ САД

Москва
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р70

Оформление серии *С. Груздева*

Ромм, Андрей.

Р70 Черно-белый сад : [роман] / Андрей Ромм. — Москва :
Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Колесо фортуны. Ро-
маны Андрея Ромма).

ISBN 978-5-699-90630-7

С юных лет художнице Катерине снится черно-бе-
лый сад, где ветки вместо листьев усеяны мотыльками.
И наяву жизнь все больше черно-белая — уж слишком
Катерина легковерная и невезучая: и мужчины ее бро-
сают, и без денег она остается, даже в уголовное дело
умудряется влипнуть... Что же сделать, чтобы мотыльки
проснулись и улетели наконец на свободу, а сон и жизнь
обрели краски?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90630-7

© Ромм А., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Но мотылек по комнате кружил,
и он мой взгляд с недвижимости сдвинул.
И если призрак здесь когда-то жил,
то он покинул этот дом. Покинул.

*Иосиф Бродский,
«Я обнял эти плечи и взглянул...»*

1. Москва, октябрь 2014 года

— Гражданка Ютровская, вы допрашиваетесь в качестве подозреваемой...

Как и положено творческой личности, Катерина ценила новые впечатления, жадно собирала их в свою копилку, ведь никогда не знаешь, что может вырасти из одного малюсенького впечатления, но из любых правил бывают исключения. Допросов она предпочла бы избежать. Ну их!

Следователь был молод, на вид больше тридцати не дашь. Катерина где-то читала, что молодые следователи — самые опасные. Они энергичны и хватки, им надо делать карьеру, раскрывать как можно больше преступлений, поэтому если уж они вцепятся, то не отпустят, доведут до суда. Пожилые следователи, которым до пенсии осталось чуть-чуть с небольшим, гораздо предпочтительнее, снисходительнее, мягче.

АНДРЕЙ РОММ

— ...по части четвертой статьи сто пятьдесят девятой Уголовного кодекса Российской Федерации...

На щеках следователя играл карминовый румянец. Румяные щеки — показатель хорошего здоровья. Катерина подумала, что если следователя переодеть из унылого серого костюма во что-нибудь поярче, усадить вполоборота возле окна, так, чтобы светом слегка заострить черты его лица, да добавить лазури осеннему небу и убрать с окна решетку, то может получиться очень даже неплохой портрет. Следователям положено быть терпеливыми, значит, позировать он будет хорошо... Вообще-то Катерина не любила писать портреты. Даже шутила, что там, где начинается портретист, кончается художник. Доля правды в этой шутке была, и довольно значительная. Портреты в основном пишутся на заказ, а ни один заказчик не обойдется без просьб и замечаний. «Вот здесь хорошо бы подправить, а то как-то я не очень выгляжу...» Скрещивать ежой с ужами, то есть свое видение с пожеланиями заказчика, трудно, порой даже больно, но приходится переступать через себя. Хозяин — барин. Гораздо лучше писать пейзажи. «Мне бы хотелось поле, речку и чтобы вдали на холме березовая роща...» — вот это совсем другое дело. Никто не станет считать березки и просить сделать вот эту поужу, а вот ту пошире. Хуже портретов могут быть только абстракции. От заказов типа «мне бы что-то абстрактное» Катерина отказывалась сразу и наотрез, потому что «попасть

ЧЕРНО-БЕЛЫЙ САД

в колер» с такими заказами невозможно. На собственном горьком опыте убедилась.

— ...Мошенничество, совершенное организованной группой либо в особо крупном размере...

Стены кабинета следователя были выкрашены в светло-зеленый, вердепомовый цвет, цвет незрелых яблок. Названия оттенков зеленого цвета нравились Катерине больше прочих. Невероятное поэтическое разнообразие — бильярдного сукна, вердигри, гусиного помета (правда, чаще говорят мердуа — так гламурнее), драконья зелень, мурава, селадон... Холодные цвета расширяют пространство и создают ощущение пролады, но сейчас Катерине казалось, что она сидит в тесной-претесной и очень душной каморке. Это нервное. Она с детства задыхалась от волнения. К каким только врачам мама ее не водила, пока один дедушка, очень похожий на Айболита, не установил причину. А то ведь чуть в астматички не записали. Тогда бы она осталась без профессии, без своей единственной любимой, единственной из всех возможных, профессии. Астматикам не рекомендуется иметь дело с красками и лаками. Спасибо тебе, добрый доктор Айболит! И тут же в голове юркой мышкой мелькнула мысль о том, что если бы она не стала художницей, то не сидела бы сейчас перед следователем и не слышала бы этих ужасных слов. Слов, камнями падающих на голову.

АНДРЕЙ РОММ

— ...наказывается лишением свободы на срок до десяти лет...

— До десяти? — нервно слотнув, переспросила Катерина.

— До десяти, — повторил следователь.

Десять лет! Десять лет будут вычеркнуты из жизни! Ей только что, в июле, исполнилось тридцать! В свой юбилейный день рождения она подвела итоги и была вынуждена признать их неудовлетворительными. Другие к этому возрасту уже успели многого добиться. Маша Пономарская выставляется в Гамбурге, Копенгагене и еще много где. Картины ее идут нарасхват, заказов выше крыши, раз в месяц где-нибудь всплывает интервью с Машей. У Маши яркая насыщенная жизнь. Инна Пытелько открыла собственную дизайнерскую студию и тоже не бедствует. Славик Филиппов — доцент в Сурике...¹ Справедливости ради, Катерина брала для сравнения тех, кто добился всего сам, без клановых связей и папиного кошелька. У нее в активе было только несколько удачно проданных картин и парочка статей в газетах, где ее называли «подающей надежды». Подавать надежды можно в начале пути, до тридцати лет. В промежутке от тридцати до сорока подавать надежды стыдно, а после сорока и вовсе позорно. По-

¹ Жаргонное название Московского государственного академического художественного института имени В. И. Сурикова.

ЧЕРНО-БЕЛЫЙ САД

сле сорока надо пожинать плоды и примериваться к лаврам, чтобы поживать на них с максимальным удобством. К лаврам? Как бы не так! К нарам придется примериваться, Екатерина Аркадьевна! Придется привыкать к баланде и прочим атрибутам тюремной жизни. Ей сейчас тридцать, через десять лет будет сорок. Она выйдет на свободу постаревшая, подурневшая, возможно, что и больная, ведь тюрьма — это не санаторий. И ничего она больше не добьется. Жизнь из увлекательной игры превратится в унылое существование. Увлекательной игры... Доигралась ты, Катюша! Екатериной Аркадьевной Катерина называла себя в минуты недовольства, а Катюшей — на самом пике антипатии к себе самой. «Катюша» воплощала все самое противное в ее характере. В данный момент — доверчивость, граничащую со слепотой, и легкомыслие, сильно смахивающее на кретинизм.

«Цыганка с картами, дорога дальняя...» — зазвучало в ушах. Катерина увидела себя в отвратительном черном ватнике и не менее отвратительных штанах. В толпе таких же черных теток она шла по заснеженной дороге в лес, на работу — валить деревья. Вороны на снегу... Катерина тряхнула головой, отгоняя наваждение, еще раз сглотнула, хоть и нечего было сглатывать, потому что в горле пересохло от ужаса, и спросила:

— А минимально — сколько?

АНДРЕЙ РОММ

Голос был чужим, незнакомым, хриплым и вообще все было чужим, как во сне. Но о том, что это не сон, свидетельствовало нывшее от щипков бедро.

— Ну-у... — следователь посмотрел на потолок, словно надеялся прочесть там ответ. — Трудно сказать, потому что решает суд... Но в лучшем случае, при условии чистосердечного признания и максимальной помощи следствию, можно рассчитывать на три года. Но это только в лучшем случае! — Следователь многозначительно поднял указательный палец. — Если вдобавок ко всему вы произведете благоприятное впечатление на судью.

— Три года чего? — невнятно спросила Катерина, но следователь сразу ее понял, видимо, ему постоянно приходилось отвечать на такие вопросы.

— Три года колонии, — сказал он так просто, словно речь шла о чем-то обыденном. — На условный срок в вашем случае рассчитывать не стоит. Это все равно что... — Следователь обвел глазами свой кабинет в поисках подходящего сравнения и остановил взгляд на графине с водой. — Это все равно что в моем графине жемчуг найти...

«Уж не на взятку ли он намекает?» — подумала Катерина. Но следователь смотрел не так, как обычно смотрят намекающие. Ни лукавинки, ни многозначительности, ни затаенной угрозы в его взгляде не было — одна только усталость. Глаза у следователя

ЧЕРНО-БЕЛЫЙ САД

были серыми, под цвет костюму. Или костюм был под цвет глаз — все едино. «Железный Дровосек, — с неприязнью подумала Катерина, творчески смешав в своей бедной головушке Железного Феликса, стальную сурость глаз следователя, серый костюм и свою недавнюю мысль о лесоповале. — Унылый Железный Дровосек сидит в своем душном унылом кабинетике и рубит под корень людские жизни своим остро заточенным топором». То, что вместо топора в руке у следователя была дешевая пластмассовая ручка, ничего не меняло. Творческие натуры не имеют привычки дотошно сверяться с реальностью. Сказано топор, значит, топор. Катерина даже стук услышала. Резкий, отрывистый, холодный стук. Тук-тук-тук.

Оказалось, что стучали в дверь.

— Да! — слегка повысив голос, сказал следователь.

Дверь плавно открылась. На пороге стоял плечистый мужчина в форме. Мужчина был высоким, поэтому сидевшей Катерине не было видно его погон. Да и не сильно интересовали ее погоны. Куда интереснее было сочетание горбатого носа с чеканным, будто высеченным из мрамора подбородком. Согласно физиогномике, горбатый нос свидетельствует о великодушии, а твердый подбородок — о волевом характере. Великодушный сильный мужчина с фигурой атлета — это же идеал! И не только с точки зрения искусства. Если же еще у него и голос приятный...

АНДРЕЙ РОММ

— Пошептаться бы, — замечательным бархатным баритоном сказал мужчина и добавил: — Срочно.

— Подождите, пожалуйста, в коридоре, — попросил Катерину следователь.

Идеал тут же померк. Разве прилично выставлять женщину, посетительницу, в коридор. Если вам, дорогие друзья, срочно приспичило пошептаться, так извольте сделать это в коридоре! Этикет был пунктиком Катерины. Даже больше — навязчивой идеей. Когда в ее присутствии ели руками или сморкались при помощи двух пальцев, ей становилось плохо не только морально, но и физически. Что-то противное начинало ныть и вибрировать внутри. Ну а если не ныло и не вибрировало, то всегда приходило огорчение. Как же так можно? Почему? Подруги смеялись, называли Катерину чокнутой перфекционисткой, герцогиней Монпансье и много как еще. Катерина удивлялась, иногда обижалась.

Уже в коридоре, сидя на неудобной жесткой banquetке (вот почему их называют медицинскими, если они стоят повсюду, не только в поликлиниках?), Катерина сообразила, что следователь не мог поступить иначе, не мог оставить ее одну в кабинете. У него же там важные документы, в том числе касающиеся и ее самой. Мало ли что... Он же даже все бумажки на столе перевернутыми держит, как учил капитан Жеглов из «Места встречи». Так что можно не обижаться... А еще она поняла, что в том мире, где она очутилась по нелепой

ЧЕРНО-БЕЛЫЙ САД

прихоти судьбы, существуют иные правила. Об этикете можно забыть. Надолго. В худшем случае на десять лет, в лучшем — на три года. Разные люди станут отдавать ей повелительным тоном приказы, а она станет их исполнять. «Заключенная Ютровская, стоять! Лицом к стене!» Или заключенных называют по номеру? По номеру это не просто ужас, а ужас-ужас-ужас. Потерять имя — это все равно, что потерять себя. Жалость к себе спазмом сдавила горло. Ну почему она такая несчастная? Ну почему жизнь к ней так несправедлива? Почему она играет с ней так жестоко? Приподнимает и тут же шмякает о землю? Не для того приподнимает, чтобы порадовать, а только для того, чтобы размахнуться посильнее, чтобы шмякаться было больнее. За что?! За что?! За что?!!

«Ты прекрасно знаешь за что!» — сказал внутренний голос.

Внутренний голос у Катерины был вредный. Ни разу в жизни ни от чего не предостерег, ни разу ничего дельного не посоветовал, ничего приятного не сказал. Только упрекал и напоминал о том, что хотелось забыть. Одно время, желая избавиться от голоса, Катерина ходила на сеансы к психоаналитику, милому пузатому дядечке с улыбкой Чеширского кота. Грохнула кучу денег, потому что сеансы были ой как недешевы, но от голоса не избавилась, несмотря на то что дядечка обещал обратное. Он утверждал, что голос появился от внутренней потребности обсуждать проблемы и что, если она

АНДРЕЙ РОММ

станет обсуждать их с ним, голос исчезнет. За ненадобностью. Так уж устроено в природе, что ненужное всегда исчезает... И она тоже скоро исчезнет, потому что она никому не нужна. Или почти никому...

«А чего ты хотела?» — поинтересовался голос.

— Ничего! — вслух простонала Катерина, чувствуя, что подбородок начинает предательски дрожать.

В бело-голубом коридоре было так же душно, как и в кабинете следователя. Душно и холодно — странное сочетание. Или то был озноб на нервной почве? Катерине захотелось выйти на улицу, чтобы глотнуть свежего воздуха. Она встала, но тут же села обратно, подумав о том, что ей, наверное, нельзя отлучаться без разрешения. Следователь увидит, что ее нет, и решит, что она сбежала. Объявит какую-нибудь операцию «Перехват», а потом добавит к десяти годам еще пять за попытку побега. То есть суд добавит. Ах, какая разница, главное, что добавят! На счастье, в объемистой сумке-торбе среди прочего барахла нашлась початая колбаска мятных таблеток. Катерина засунула в рот сразу две — одну под язык, другую за щеку — и начала сосредоточенно сосать. Леденцы в качестве успокоительного порекомендовал доктор Айболит. Мама сначала ворчала, что, мол, за доктор такой, который лечит не таблетками, а конфетками, а вот Катерине лечение сразу же пришлось по душе. Очень скоро и мама изменила свое мнение и начала расхваливать Айболита при каждом удобном слу-

ЧЕРНО-БЕЛЫЙ САД

чае. Водили-водили ребенка по врачам, лечили-лечили, чуть совсем не залечили, а специалист только взглянул и сразу все понял! Слово «специалист» было у мамы высшей похвалой человеку, знающему свое дело. Вне зависимости от профессии. У нее и артист Янковский был специалистом, и Айболит, и сантехник дядя Паша, который любил повторять, что возможность невозможного определяется тем, насколько полон стакан. На небогатой заводской окраине такие умельцы, как дядя Паша, умеющие чинить старое-ржавое так, чтобы оно еще долго прослужило, ценились особо. Лишних денег ни у кого не было, все жили от получки до получки, владельцы мотоциклов считались «буржуями»... Год назад Катерину пробило на ностальгию. Захотелось побывать в родном районе, который она долгое время усиленно избегала, пройтись знакомыми дорожками, посидеть на «той самой» скамейке. Застала все в таком же виде, в каком и оставила. Хрущевки в Москве сносили усердно, а вот двухэтажные дома, построенные сразу же после войны руками военнопленных и от того называемые «немецкими», почему-то не трогали, несмотря на их, мягко говоря, не лучшее состояние. Катерину поразило обилие дорогих иномарок во дворах. Она всегда чутко улавливала контрасты любого рода. Роскошные автомобили не просто выделялись на фоне убогих домиков, а, казалось, вопили: «Люди добрые! Сделайте божескую милость, заберите нас отсюда!» Контраст был вопию-